

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

СУДНЫЙ ДЕНЬ
ДЛЯ ГУБЕРНАТОРА

Кирилл Казанцев

Судный день для губернатора

Серия «Антикор»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3265095

Казанцев К. Судный день для губернатора : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56010-3

Аннотация

Руководство одной из российских областей поражено страшным пороком – растлением детей. Губернатор Ладутько и его окружение чувствуют себя безнаказанными – ведь их надежно прикрывает начальник областного УВД полковник Евсеев. Агенту «Антикора» Андрею Ларину никогда прежде не приходилось сталкиваться со столь мерзкими типами. Его новое задание – изобличить подонков, предать их преступления широкой огласке и, разумеется, жестоко наказать их. Выполнить это задание даже такому опытному бойцу, как Ларин, крайне непросто: все структуры области повязаны между собой, образуя порочный круг. Чтобы сохранить свою грязную тайну, оборотни во власти готовы пойти на все...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Кирилл Казанцев

Судный день для губернатора

Глава 1

Самопальный баннер, вывешенный на фасаде старой пятиэтажки, призывал равнодушных горожан областного центра наконец-таки задуматься над одной из серьезнейших проблем города. «Нет насилию над детьми!» – отчаянно кричала наспех выведенная на белой материи не слишком умелой рукой черная лаковая надпись. Однако призыв не находил среди городских масс широкой поддержки. Лишь считанные единицы обращали на него взоры. Большинство же людей привычно спешили по своим делам: кто на работу, кто в магазин, а кто и домой. Они, выросшие и отвоевавшие свое место под солнцем в «каменных джунглях», уже обычно не поднимали взгляда выше сенсорного экрана своего айфона или айпэда; в крайнем случае их внимание мог ненадолго привлечь билборд с броской рекламой. Их девизом по жизни уже давно стала типичная обывательская установка: не высовывайся и будь как все, ведь от тебя все равно ничего не зависит.

Бледнолицая девушка, раздававшая листовки перед ам-
пирным зданием областного Главпочтамта, возвышавшего-
ся над центральной площадью, была как раз из числа тех
немногих, кто не хотел мириться с существующим порядком
вещей в городе. Будучи одной из активисток правозащитной
организации «Спасем детей», она искренне верила, что в ее
силах достучаться до черствых людских сердец, растопить
их, сделав небезразличными к чужим бедам. Но жители об-
ластного центра сторонились ее, отказывались брать листов-
ки, а если и брали, то, прочитав, тут же комкали и выбрасы-
вали в ближайшую урну.

А вот к модному фрику в бейсболке, торгующему пират-
скими DVD-дисками на той же площади, люди тянулись.
Они охотно подходили к расстеленной на асфальте полиэти-
леновой пленке, на которую были буквально вывалены сот-
ни свеженаштампованных дисков, выбирали приглянувший-
ся и, прихватив в ближайшем киоске пивка с чипсами, спе-
шили поскорее оказаться на уютном домашнем диванчике
перед экраном телика. Дела шли настолько хорошо, что про-
давец контрафактом только успевал пересчитывать купюры
в толстеющей не по часам, а по минутам пачке.

– Алиса! – окрикнул он активистку правозащитной ор-
ганизации. – Ну сколько можно ерундой изо дня в день за-
ниматься? Айда ко мне работать. График гибкий, зарплата
неплохая, всегда киношку свежую посмотреть можно...

– Нет, Митя. Кто из нас ерундой занимается, так это ты, –

неохотно отозвалась девица и, посмотрев на часы, уже тихо пробурчала себе под нос: – Ну где же он? Почему опаздывает?

– Как знаешь, – пожал плечами парень. – А если честно, то жалко мне тебя, Алиска. Вот сейчас опять менты придут, повяжут тебя, листовки отберут, протокол об административном правонарушении составят, штраф влепят... Да и подружек твоих, которые баннер вывесили, в обезьянник посадят. Тебе это надо?

– Жалко у пчелки в одном месте. – Девушка вновь бросила взгляд на циферблат дамских часиков; человек, с которым она договаривалась встретиться напротив Главпочтамта, опаздывал уже на целых десять минут.

Слова Мити оказались пророческими. Вскоре показались два пэпээсника с каменными, лишенными каких-либо эмоций лицами. Сперва монотонно пробубнили предупреждение о правонарушении, а затем, когда Алиса стала возмущаться, особо не церемонясь, заломили сопротивляющейся девушке руки за спину и повели в ближайший двор, где базировался опорняк. За всем этим равнодушно наблюдали сотни горожан – мол, и поделом девице, нечего по площадям шастать, лучше бы дома сидела и любимому человеку борщ варила. Только Митя с сожалением вздохнул и посмотрел на баннер, который уже снимали с фасада здания работники коммунальной службы.

– Алиса, Алиса... – еле слышно произнес парень, выва-

ливая на полиэтилен новую порцию дисков с отечественными и американскими блокбастерами, – далека твоя контора от народа. Ему попкорна и зрелищ подавай, любви-моркови, сериалов дебильных с закадровым смехом. Креативнее быть нужно, флешмобы всякие там проводить, бесплатные концерты организовывать... А листовки и баннеры – это же прошлый век!

Фрик махнул рукой и, нацепив на лицо дежурную улыбку болванчика, принялся зазывать народ налетать-покупать новинки мирового кино.

Тем временем площадь продолжала жить своей жизнью. Две бабульки и дедулька бойко торговали выращенными на дачах зеленью и ягодами. Молодежь тусила в небольшом скверике, почти не прячась, попивала на лавочках пивасик и напитки покрепче. Влюбленные парочки жались к недавно отреставрированному фонтану, бросали в воду монетки, обнимались, шепча друг другу на ухо банальные «я тебя люблю» и «котик, прости меня». К остановке общественного транспорта один за другим подъезжали маршрутные такси, автобусы. Из них, толкаясь, высыпали люди.

В одном из таких автобусов приехал и странноватый, выделяющийся на общем фоне тип: худощавый, интеллигентное лицо, очки в роговой оправе, строгий и немного старомодный костюм, папка из кожзаменителя под мышкой. Мужчина сильно нервничал, постоянно протирал вспотевший лоб носовым платком. В общем, такой себе застенчи-

вый ботаник, работающий то ли лаборантом, то ли библиотечарем, то ли школьным учителем.

Покинув салон автобуса последним из всех пассажиров, он первым же делом осмотрелся. Его глаза растерянно бегали по сторонам, сканируя находящихся на площади людей. Очкарик скользнул взглядом по сгорбленной старушке, торгующей зеленью, прошелся по фрику в бейсболке, на некоторое мгновение встретился с прищуренными глазами полицейского, подозрительно смотревшего на него из-за приспущенного стекла новенького «Форда», а затем задержал взгляд на прилипшем к асфальту листке бумаги. Сделав несколько шагов, мужчина поднял листовку и прочитал напечатанное на ней:

«ЛЮДИ, СООТЕЧЕСТВЕННИКИ, ОЧНИТЕСЬ! Разве вы не видите, что творят власти города? Они убивают наше будущее, наших детей. На первый взгляд принятая властями города «ПРОГРАММА ВЫХОДНОГО ДНЯ» преследует исключительно благородные цели, давая возможность детям-сиротам почувствовать уют семейного очага, пускай только по субботам и воскресеньям. Мы, правозащитники, и сами хотели бы верить, что так оно есть на самом деле. Но имеющаяся у нас информация говорит об обратном. Во-первых, этой ПРОГРАММОЙ МОГУТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО ВЛАСТЬ ИМУЩИЕ И МЕСТНЫЕ ЦАРЬКИ-ОЛИГАРХИ. А как же остальные, то есть БЕЗДЕТНЫЕ СЕМЬИ СО СКРОМНЫМ ДОСТАТКОМ, они что, ЛЮДИ

ВТОРОГО СОРТА? Во-вторых, ОТ НАС СКРЫВАЮТ ИСТИННУЮ ЦЕЛЬ ПРОГРАММЫ. А что, если НЕСЧАСТНЫХ СИРОТ ИСПОЛЬЗУЮТ В КАЧЕСТВЕ ДЕШЕВОЙ РАБСИЛЫ ИЛИ, НЕ ДАЙ БОГ, В ДРУГИХ ЦЕЛЯХ, О КОТОРЫХ ДАЖЕ СТРАШНО ПОДУМАТЬ? Поэтому мы призываем вас ПОСТАВИТЬ СВОЮ ПОДПИСЬ под обращением к администрации города. Мы требуем немногого: ПРОЗРАЧНОСТИ ПРОГРАММЫ И СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ».

Прочитанное комком застряло в горле. Скупая, едва заметная мужская слеза блеснула за стеклами очков. Гладко выбритая щека нервно дернулась. Листок формата А4 дрогнул в руках. Злость на несправедливость переполняла сейчас мужчину. Ему хотелось разнести этот чуждый ему мир в пух и прах, а на его руинах построить новый, в котором не будет ни олигархов, ни чиновников, ни сирот, а будут просто люди, равные друг перед другом.

Совладав с собой, мужчина протер мокрый от пота лоб платком и решительно направился к стихийному мини-рынку, приютившемуся на окраине площади.

– Извините, вы тут девушку с листовками не видели? – обратился он к первой попавшейся бабусе, торговавшей чесноком.

– Видела, сынок. Ее только что полиция забрала. Грубо, конечно, с ней обошлись, но сама и виновата. Ее по-хорошему предупредили. А женщинам не надо таким делом зани-

маться. Ей бы детей растить.

Очкарик напрягся, осторожно покосился на полицейский «Форд», из которого за ним по-прежнему следила пара сканирующих до внутренностей глаз, и еще крепче сжал под мышкой папку из кожзаменителя.

И тут прорвало словесным поносом сидевшего рядом старикашку с лицом отставного правоохранителя:

– Да таких на месте расстреливать надо! Всякие гадости, понимаешь, про нашего губернатора пишут, пытаются обстановку дестабилизировать... А он, между прочим, человек порядочный, о нас, стариках, печется. Вон как город за время его правления преобразился, везде чисто и аккуратно. А такие, как эта девка, получают доллары и евро из-за рубежа, жируют на них по барам и казино, а потом всякие провокации устраивают – мол, смотрите, забугорные буржуи, как у нас тут плохо. Тьфу! Кстати, молодой человек, лучка не желаете? Свой, только что с огорода.

– Не все дураки в психушках сидят, – бросил старикам на прощание неоднозначное очкарик...

...Водитель полицейского «Форда» – розовощекий капитан Лебедев с уродливой болячкой на носу – следил за очкариком уже целый час. Узкие щелки глаз, сосредоточенное лицо, напряженные мышцы шеи и сжатые зубы говорили о том, что правоохранитель находится при исполнении очень важного задания. Настолько важного, что от успеха оно зависело его дальнейшие успехи по службе.

Рядом с Лебедько, попыхивая электронной сигаретой, сидел майор Шмаков в солнцезащитных очках. Лишенный табачного запаха сценический дым лип к лобовухе, вязко растекаясь тонкими струйками по стеклу. Внешне Шмаков сохранял спокойствие, хотя был напряжен не меньше своего товарища.

– Чего он там делает? – не выдержал майор, дыхнув дымом в затылок капитана. – С моего места не видно.

– К торговцу DVD подошел. Диск выбирает. Кошелек из папки достает. Деньги отсчитывает. Расплачивается, – в деталях докладывал Лебедько. – Отошел в сторону. Стоит, думает. Все, пошел. Заходит в Главпочтамт. Папка при нем.

– Это я уже и сам вижу. Отлично. Скоро все закончится, – суеверный Шмаков, дабы не сглазить, три раза постучал по стилизованной под мореный дуб панели приборов.

– Это же не настоящее дерево, а обыкновенная пластмасса, товарищ майор, – заметил Лебедько.

– И она ненастоящая, – раздраженно пробормотал Шмаков, положил электронную сигарету перед собой. – Так что, капитан, и не жить теперь?

Странноватый на вид очкарик пробыл в здании Главпочтамта недолго и вышел из него уже без папки под мышкой. Удивительно, но за этот короткий промежуток времени, что он провел в стенах почты, с ним произошла странная метаморфоза. Излишнее волнение и растерянность, присутствовавшие в его поведении, взгляде и выражении лица до этого,

странным образом куда-то исчезли-испарились. Теперь он выглядел расслабленным и смотрел на окружающий мир глазами если не закоренелого пофигиста, то оптимиста уж точно. Словно ему удалось наконец-таки сбросить с плеч тяжкий груз, избавиться от непосильной ноши, которая так не давала ему покоя.

– Остановил такси, – доложил Лебедько очевидное и вопросительно посмотрел на Шмакова.

– Садись на хвост, – распорядился майор.

Полицейский «Форд» буквально полз в потоке машин. Лебедько приходилось то и дело подрезать зазевавшихся в пробке водителей, лишь бы не упустить из виду юркое такси.

Наконец машина с шашечками на фонаре свернула с центральной улицы и покатила узким проездом без тротуаров. За окнами потянулись потемневшие от времени длинные двухэтажные кирпичные дома, замкнутые в кварталы – местами с разбитыми окнами и просевшими крышами, тесные дворики, развешенное на провисших веревках тряпье, редкие и угрюмые прохожие – преимущественно старики и старухи. Этот рабочий квартал, построенный еще при Сталине, планировалось в скором времени снести и возвести на его месте многофункциональный жилой комплекс со всеми современными прибабасами. Поэтому многих жильцов отсюда уже выселили, но некоторые старики все еще продолжали обитать в уже не принадлежавшем им жилье.

Таксист высадил очкарика в одном из таких тесных двори-

ков. Развернулся, проехал мимо затаившегося за мусорными контейнерами полицейского «Форда» и, моргнув поворотником, отправился на очередной вызов. Мужчина в старомодном костюме со скрипом открыл изъеденную ржавчиной дверь подъезда, заглянул в почтовый ящик и, убедившись, что там по-прежнему пусто, зашагал по лестнице. Вскоре на втором этаже приоткрылась форточка – и в вымерший двор, по которому бродили ободранные коты, полилась симфоническая музыка.

– Интеллигент, мать его, – ухмыльнулся Шмаков.

– Недолго музыка играла, недолго... – напел себе под нос Лебедько.

– Ну что, капитан, пошли, – погладив кобур, в которой дожидался своего часа «табель», произнес майор. – Только помни, все должно выглядеть натурально, как самоубийство. Типа мы пришли, а он уже повесился.

– А как же, не впервой, – хохотнул оборотень в погонах, доставая из-под сиденья скрученную змейкой бельевую веревку и прозрачный пакетик с какими-то таблетками.

Подъезд встретил полицейских резким запахом кошачьей мочи, который, казалось, впитался даже в изрисованные всякими непристойностями стены. Прикрывая носы рукавами курток, они медленно поднялись на лестничную площадку второго этажа. Шмаков не терял времени даром. Он тут же подошел к двери и несколько раз надавил большим пальцем на пуговку звонка. Но тот промолчал. Майор беззвучно

сплюнул и несколько раз постучал. В ответ тишина. Лишь умиротворенная классическая мелодия, которая уже успела изрядно поднадоесть полицейским, доносилась из-за двери.

И тут у них над головами что-то хрустнуло. А через несколько секунд полицейские отчетливо слышали, как по крыше проскользил, скатился вниз и звонко ударился об асфальт обломок шифера. Лебедько и Шмаков переглянулись, а затем, словно считав мысли друг друга, одновременно запрокинули головы. Вверху виднелся небольшой люк. Заметить его было сложно: ни ведущей к нему лесенки, ни каких-либо задвижек, да и сам люк был выкрашен в ту же желтую краску, потемневшую от времени и пыли, что и сам потолок.

– Смотри, – указал пальцем на волнистый фрагмент подошвы, отпечатавшийся на перилах, капитан Лебедько...

Очкарик уже не осторожничал, понимая, что выдал себя. Он буквально неся по аварийной крыше, над которой кружили всполошенные голуби. Погнутые телевизионные антенны, облепленные птичьим пометом и перьями, так и норовили задержать беглеца своими проволочными растяжками и торчащими во все стороны прутьями. словно корявые когти уродливого монстра, они рвали на нем одежду, царапали тело. Но мужчина не ощущал ни боли, ни страха – в его крови уже бурлил, закипая, адреналин. В такие экстремальные мгновения человек готов свернуть горы, сделать то, на что никогда не решился бы, пребывая в своем привычном

состоянии.

– Стоять, сука! – раздалось где-то далеко за спиной, и прозвучал выстрел, правда, пока только предупредительный – в небо.

Беглец даже не обернулся – наоборот, ускорил бег и, едва коснувшись носком правого ботинка края крыши, прыгнул. В одночасье ход времени замедлился, став вязким и тягучим, а целостная картина окружающего мира рассыпалась на множество кадров. Будто в замедленной киносъемке перед глазами очкарика покадрово промелькнул раскинувшийся внизу внутренний дворик: провисшие бельевые веревки, развешенные на них простыни и наволочки, пустой пластмассовый тазик, толстая баба в махровом халате с вылупленными от удивления зенками, ведро с мусором...

Приземлившись на крышу соседнего дома, мужчина несколько раз перекатился через голову, содрав в кровь ладони и колени, и буквально впечатался лицом в кирпичную трубу дымохода. Хрустнула переносица, треснувшие линзы высыпались из роговой оправы мелкими пазлами, собрать которые было уже нереально. Перед глазами поплыл, сгущаясь, туман. Без очков беглец словно ослеп, потерял визуальную связь с внешним миром.

– Не рыпаться, гнида! Иначе буду стрелять! – донеслось угрожающе до его слуха.

Казалось, это конец, и единственным правильным решением будет повиноваться требованию преследователей. Тем

более в густом тумане уже читались два размытых силуэта, а значит, они уже совсем близко, держат его на мушке и ни в коем случае не промахнутся. Беглец чувствовал себя загнанным зверем, которого вот-вот пристрелят охотники. Но становиться легкой добычей он не собирался – слишком далеко зашел, чтобы вот так просто сдаваться. Собравшись с последними силами, беглец неожиданно вскочил на ноги и побежал – наугад, вслепую, куда понесет.

Прозвучал выстрел, а точнее, хлопок, будто лопнул проткнутый иголкой воздушный шарик. Левая нога подвернулась, вошедшая в нее пуля свела мышцы судорогой, и подстреленный мужчина, не удержав равновесия, рухнул на лист шифера. Непрочный и хрупкий, тот тут же пошел трещинами от сильного удара. Отколовшийся кусок заскользил вниз, потянув с собой и беглеца. Шансов выжить у бедолаги уже не было...

...Смеркалось, заброшенный двор по-прежнему полнился мелодичной классической музыкой; словно подпевая ей, мяукали и урчали помойные коты. На них, вонючих и ободранных, копошащихся в мусорных контейнерах, поглядывали с карниза крыши голуби.

Майор Шмаков и капитан Лебедько молча стояли над телом мужчины, распластавшегося на асфальте. В луже крови плавали два голубиных перышка. Стекланные глаза отрешенно смотрели высоко в небо. А на губах покойника играла легкая издевательская ухмылка. Казалось, что погибший

прихватил с собой на тот свет известную только ему одному тайну, о которой его преследователи так никогда и не узнают.

Стоявшая поодаль бабенция в махровом халате поглядывала то на полицейских, то на тело, все еще не веря, что ее соседа по дому уже нет в живых.

– Гражданочка, можно вас?.. – прервал затянувшееся молчание Шмаков.

Майор с капитаном «обработали» единственную свидетельницу произошедшего по полной программе. Сначала они убедили ее, что погибший был мелким наркоторговцем. Мол, они пытались арестовать его, но он, вместо того чтобы повиноваться блюстителям порядка, рванул на крышу. Сначала они, как и положено, дали предупредительный выстрел. Но тот его проигнорировал. Следующий выстрел был уже в ногу, чтобы обездвигить беглеца. Но, к сожалению, произошел несчастный случай: бедняга сорвался с крыши и разбился насмерть.

Затем ее любезно попросили принести попить водички – дескать, за время погони так во рту пересохло, что аж язык к небу прилипает. Когда же ничего не подозревающая баба побежала исполнять просьбу, Лебедько принялся обыскивать мертвеца. Искомое нашлось сразу же.

– Есть, – заулыбался он, вытащив из внутреннего кармана пиджака почтовую квитанцию.

– Это точно она? – напрягся Шмаков.

– Главпочтамт. Датирована сегодняшним днем. Вес по-

сылки пятьсот... — пробежал взглядом капитан и передал квитанцию майору.

— Отлично. «Дурь» подложил?

— Сейчас-сейчас. — Лебедько, дабы не оставлять отпечатков пальцев на вещдоке, натянул на руку резиновую перчатку, достал из кобуры прозрачный пакетик с таблетками и аккуратно засунул его в нагрудный карман пиджака покойника.

— Шито-крыто, — оскалился Шмаков.

— Служу отечеству, — сняв перчатку, заулыбался капитан.

Вскоре появилась и баба в махровом халате с кувшином воды.

— Вот, пожалуйста, — проговорила запыхавшаяся женщина и уже без сожаления во взгляде посмотрела на погибшего соседа. — Я его интеллигентным человеком считала. Музыку классическую всегда слушал, здоровался, самочувствием моим постоянно интересовался... А оказался бандюганом обычным, народ наркотой травил. Мразь. Гореть ему в аду.

— Внешность обманчива, гражданочка, — покосившись на свой майорский погон, прищурился Шмаков.

* * *

Утреннее солнце едва согревало. От остывшего за ночь асфальта по-прежнему тянуло холодом. Капитан Лебедько

допил кофе, забрался в салон «Форда» и включил печку. Тут же стало тепло и уютно. Разомлевший, он посмотрел на ампирное здание Главпочтамта, откуда уже выходил майор Шмаков, держа в руках бандероль, в которой угадывалась папка.

– Ну как? – зевнул Лебедько, прикрывая рот ладонью.

Шмаков бережно опустил запечатанный почтовый пакет на колени и закурил электронную сигарету.

– Кто рано встает, тому бог дает, – затаившись, произнес майор. – Если б на час позже приехали, то посылка бы того, ту-ту...

Капитан скосил глаза на бандероль и прикусил нижнюю губу – было видно, что он сгорает от любопытства и хочет взглянуть на то, ради чего ему пришлось недосыпать и недоесть последние несколько дней.

– Понимаю твое желание, – ухмыльнулся майор. – У самого руки чешутся.

Зазуммерил-заерзал на панели приборов навороченный мобильник. Шмаков глянул на высветившийся номер, тут же посерьезнел лицом и выпрямил спину.

– Да, товарищ полковник, она у нас. Сейчас же доставим. До встречи, – отчитался перед позвонившим майор.

– За город? – Лебедько уже хотел было провернуть ключ в замке зажигания, но Шмаков остановил его.

– Не спеши, – прищурился майор. – Знаешь, что я тут подумал, капитан... Мы с тобой на него падем от рассвета

до заката, законы направо и налево нарушаем, жизнью своей рискуем, а задницы-то у нас голые. Вот стрельнет ему в башку от нас избавиться, и все, финита ля комедия, суши сухари, – рассуждал он. – Верно говорю?

– Абсолютно, – воодушевился капитан, ведь подобные мысли терзали его уже давно, вот только держал он их при себе, боясь произнести вслух.

– Так что нелишним будет перестраховаться.

Шмаков щелкнул выкидным ножичком и по-ментовски аккуратно вскрыл лезвием клапан большого почтового конверта. Вытащил из папки стопочку листов, аккуратно скрепленных скобой степлера, пролистал. Это были ксерокопии документов, имевших отношение к городскому детскому дому. Под каждым из них стояла печать и размашистая подпись его директрисы – Ермаковой Е.В.

– Ничего не понимаю, – наморщил лоб Шмаков, протягивая одну из ксерокопий Лебедько. – Какого хрена, спрашивается, нашему полковнику нужна вся эта бодяга?

– Да, полная засада... Я думал, тут компромат на него найдется. А в итоге пшик, – разочаровался капитан. – Конечно, эти бумаги, может, и имеют какую-то ценность, но только не для нас.

– И заметь, никакой конкретики – какие-то списки с фамилиями, датами, условными обозначениями... Ну, вот, к примеру, что значит буква «Д» напротив некой Петрашевской Виолетты?

– Детдомовка, – предположил Лебедько.

– Да они все тут детдомовцы, – возразил Шмаков. – Прямо ребус какой-то получается. Нужно быть в теме, чтобы все это расшифровать...

– Короче, облом. Жарко стало. – Капитан приспустил стекло.

– Погоди. Пускай ими мы свои голые задницы не прикроем, но бабла срубить сможем. Ксеранем, ксерокс-то и на почте есть, а потом к этой директрисе заявимся и поставим вопрос ребром: хочешь назад свои бумажки – плати, – предложил майор.

– А если она нас пошлет? – резонно заметил Лебедько. – Ведь мы даже не знаем, о чем эти документы.

– Слушай, если нам заказали этого хмыря грохнуть и папочку его забрать, значит, для этой Ермаковой бумаги ох как важны.

Всю дорогу до загородного особняка полковника правоохранители ехали молча. Лишь подъезжая к высоким воротам, Шмаков заговорил.

– Копии документов останутся у меня, – голосом, не терпящим возражений, предупредил он капитана. – А сейчас веди себя естественно. Этот упырь не должен ничего заподозрить.

...Начальник областного управления внутренних дел, полковник Евсеев Игорь Яковлевич, сидел на кожаном диване перед камином и курил ароматную, с запахом вишни,

тонкую сигарету, пыхал дымком и прикладывался к стакану с шипучей минералкой. На полу, у ног хозяина, лежал в позе сфинкса сибирский кот: раскормленная морда, наглый взгляд, постоянно дергающийся хвост. В глазах животного плясали адские язычки пламени. Поодаль стояли, вытянувшись в струну, Шмаков и Лебедько.

– Немного переборщили, но по ситуации в целом работали неплохо, – похлопав по папке из кожаного чемодана, одобрительно кивнул Евсеев. – Деньги здесь. – Он бросил на журнальный столик конверт. – Когда понадобится вновь – свяжусь. Все, свободны.

– Всего доброго, товарищ полковник, – в один голос отозвались правоохранители и, буквально пятясь, засеменили к двери.

– Стойте! – неожиданно окрикнул их Игорь Яковлевич.

Майор и капитан замерли, словно статуи, предчувствуя неладное.

– Вы открывали конверт? – прозвучало как гром среди ясного неба.

– Никак нет, товарищ полковник. Он же запечатанный, как можно... Мы же не крысы какие-нибудь, – сглотнул побелевший Шмаков. – Слово офицера даю.

– Смотрите мне, – погрозил полковник указательным пальцем.

Когда Шмаков с Лебедько покинули каминный зал, Евсеев оторвал задницу от дивана и подошел к огромной картине,

точнее, к своему портрету. Московский художник-попсовик изобразил полковника в совершенно непривычном для людей его профессии одеянии – вместо формы с наградами и фуражки тот был облачен в римскую тогу, а голову украшал венок из лавровых листьев. На левом плече начальника областного управления внутренних дел, подобно пиратскому попугаю, сидел сибирский кот. Вроде бы все было нарисовано абсолютно профессионально и даже торжественно, но от картины прямо-таки веяло извращением.

Евсеев сдвинул портрет в сторону – под ним заблестела нержавеющей сталью дверка сейфа – и набрал нужную комбинацию цифр на электронном кодовом замке. Внутри хитросплетенного механизма что-то щелкнуло, провернулось. Дверка отворилась. В стенной нише лежали плотненько прижатые друг к дружке пачки стодолларовых купюр. Полковник положил на них конверт с папкой, захлопнул дверцу и вернул на прежнее место портрет себя, любимого.

– Как же я тебе завидую, Помпей... Лежишь себе целыми днями, жрешь и ничего не делаешь, – обратился он к ленивому котяре, греющемуся у камина. – Ну ничего. Скоро и я так буду.

Глава 2

Многонациональные группы туристов медленно перетекали из зала в зал, совершая путешествие из одной эпохи в другую. Экскурсовод одной из них – женщина бальзаковского возраста в скромном платье и легонькой вязаной кофточке – подолгу задерживалась у экспонатов, размахивала указкой, словно дирижер палочкой, с завидной скоростью и легкостью отвечая на возникавшие по ходу экскурсии вопросы. Перед глазами иностранцев проплывали картины известных художников, античные статуи и скульптуры, мозаики, рельефы... Потрясенный Эрмитажем американец, потерявший от окружающего его великолепия голову, даже попытался прикоснуться к хрупкой фарфоровой вазе кончиком пальца.

– Are you crazy?¹ – тронул его за плечо более сдержанный и воспитанный соотечественник.

Американец тут же пришел в себя – отдернул руку от драгоценного экспоната и, бросив в ответ что-то нечленораздельное, ретировался.

Среди иностранцев затесались и двое русских: высокий мужчина с мясистым лицом и его спутник – широкоплечий брюнет с волевым подбородком. Павел Игнатьевич Дугин и Андрей Ларин были здесь довольно частыми гостями. Не то

¹ Ты что, спятил? (англ.)

чтобы они жили искусством и являлись его заядлыми поклонниками, посвящая ему все свое время. Просто Эрмитаж был для них как раз тем самым идеальным местом, где чудным образом сочетались, казалось бы, совершенно несовместимые вещи: работа и отдых. Иначе в их профессии и быть не могло.

...Павел Игнатьевич Дугин возглавлял ни много ни мало самую мощную и законспирированную тайную структуру в Российской Федерации. В отличие от большинства подобных организаций эта структура не ставила целью свержение действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом – исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составили те честные офицеры-силовики, которые еще не забыли о старомодных понятиях: «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более что коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни и среда обитания...

Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, Дугин подыскивал новые ме-

ста работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для оборотней в погонах, этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем еще...

Заговор – это не обязательно одеяла на окнах, зашитая в подкладку шифровка, подписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально; та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и самое главное – низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее разложившихся коррупционеров. Точечные удары вызывали у разложенцев естественный страх; количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти смерти далеко не случайны. Слухи о некой тайной организации, этаким «Ор-

дене меченосцев», безжалостном и беспощадном, ползли и ширились, притом не только в Москве, но и в провинции. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастает новый.

Самому же Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему из нее не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль такого «боевого копья». И как догадывался Андрей – далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного и профессионального опыта Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях, а природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до крупного бизнесмена. Несомненно, все эти качества Ларину предстояло продемонстрировать в самом ближайшем будущем. Он и не сомневался, что Дугин не про-

сто так пригласил его в Эрмитаж. А значит, ему предстоит выполнить очередное задание – безусловно, сложное и запутанное. Для иных Павел Игнатьевич его не привлекал...

...Когда иностранцы с экскурсоводом начали покидать зал античной скульптуры древнеримского периода, Дугин придержал Ларина за локоть.

– Задержись, Андрей. – Павел Игнатьевич обвел взглядом просторное помещение. – Знаешь, что общего между Древним Римом и современной Россией?

– Первое, что приходит на ум: Москва – это Третий Рим, – с ходу ответил Ларин.

– Может, раньше так и было, а теперь Москва скорее второй Стамбул, – немного подумав, произнес Павел Игнатьевич. – А если копнуть глубже, то получается, что очень много общего. Прямо-таки спираль истории получается. Ну, смотри. Упадок Рима начался не с военных поражений и не с нашествия варваров, а с чудовищного нравственного разложения. Так сказать, с массового разврата, упадка морали. Ты только представь, что из первых двенадцати цезарей целых восемь имели нетрадиционную ориентацию. Читай Светония. Конечно, я догадываюсь, что ты мне на это ответишь. Мол, в отличие от Европы и Америки у нас жестоко подавляются гей-парады, запрещены однополые браки, высшие должностные лица пропагандируют традиционные семейные ценности, да и вообще не встретишь на улице парней, целующихся в засос.

– Примерно, – согласился Андрей, лишний раз убедившись в проницательности Дугина.

– Действительно, в этом плане на фоне Евросоюза наша многострадальная родина выглядит весьма недурно, я бы даже сказал, достойно. Но со временем все изменится, в этом я уверен на все сто процентов, – убежденно произнес Павел Игнатьевич. – Глобализация – страшная сила, и нам от нее никуда не деться. К сожалению, она разносит по всему миру не только новейшие технологии, покимонов и сникерсы с пепси-колой, но и уклад жизни. Так что недалек тот час, когда брак между двумя российскими чиновниками-гомосексуалистами будут регистрировать в ЗАГСе и транслировать на всю страну в прямом эфире, а пьяные гости на свадьбе кричать им «горько!». Ну да ладно, это вопрос будущего, решать который будут, возможно, уже наши последователи, – на полном серьезе проговорил Дугин. – В конце концов, взрослые люди имеют полное право распоряжаться своим телом как им нравится. Но есть проблема насущная, которая куда опасней той, о которой я только что говорил.

Павел Игнатьевич прошел мимо статуи Веспасиана и замер у одной из мозаик, выложенной разноцветной смальтой. На ней был изображен смазливый кудрявый мальчик в короткой тунике. В одной руке он держал амфору с красным вином, в другой – поднос с фруктами.

– Подобными мозаиками состоятельные римляне украшали свои виллы и термы. Красивая и изысканная работа. Но

единственное, что меня в ней настораживает, – этот юноша в короткой тунике, этакий мальчик по вызову, принесший своим хозяевам выпивку и закуску. Почему мастер не изобразил красивую женщину? Или хотя бы того же мальчика, но в тунике подлиннее? – задался вопросом Павел Игнатьевич. – Потому что искусство – зеркало времени. И это творение – отображение той бездуховной эпохи, которая, казалось бы, давно уже канула в Лету. И вот спустя столетия она непонятным образом начала возрождаться в двадцать первом веке и не где-нибудь, а на нашей земле. Причем не в богемной Москве, а на периферии.

– Что-то я не слышал, чтобы наших олигархов с чиновниками в их загородных особняках и банях обслуживали мальчики в туниках. Работницы модельных агентств, профессиональные стриптизерши, элитные проститутки – вот частые гости их пирушек, перерастающих в оргии, – поделился своими соображениями Андрей.

– И я так думал до поры до времени. Но, видимо, мы с тобой слишком хорошо думаем об этих людях, – признался Дугин. – Дело в том, что недавно в КДН, Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, обратилась девочка лет двенадцати, некая Виолетта Петрашевская. Пять лет назад бедняжка потеряла в автокатастрофе мать. Девочку уже хотели отправить в детдом, но с зоны неожиданно откинулся ее отец-домушник, подломивший пару-тройку квартир. Он-то и оформил над ней опеку. Но счастье воссоединившейся

семьи было недолгим. Ее отцу выдвинули новое обвинение – мол, всплыли ранее неизвестные следствию факты, подтверждающие его причастность к еще одной квартирной краже десятилетней давности, о которой тот умолчал в своих признательных показаниях, дабы скостить себе срок. Состоялся суд, и его вновь упекли за решетку. Совершал он ту кражу на самом деле или ему ее приписали, чтобы избавиться от «висяка» и улучшить статистику раскрываемости преступлений, – мне неизвестно. Но как бы оно там ни было, Виолетту определили в один из поволжских детдомов. Буквально через месяц она оттуда сбежала, из медчасти – повезло девочке; кое-как добралась до Москвы и поведала такие страшные вещи, что аж волосы дыбом становятся. Дескать, взрослые дяди при высоких должностях периодически навещают в детдом, выбирают приглянувшихся детей, в том числе и миловидных мальчиков, и на несколько дней забирают их к себе домой. А там с ними... – Павел Игнатьевич сделал паузу, у него язык не поворачивался перечислить все те непристойности, которые пришлось пережить девочке. – Короче, гнусная и омерзительная педофилия, – обошелся он емкой формулировкой.

– Таких кастрировать надо, – в сердцах вымолвил Андрей, представив себе заплывших жиром чинуш, лапающих своими грязными руками юные тела.

– Мрази, одним словом, – не выдержал и скупой на эмоции Дугин. – Однако не знаю почему, но Виолетта впослед-

ствии полностью отказалась от своих показаний.

– Напугали? – предположил Ларин.

– Не знаю, в чем дело. Тем не менее губернатор области запустил – правда, пока еще в тестовом режиме – «Программу выходного дня», которую уже начали обкатывать на том самом детдоме, откуда бежала девочка. Вроде программа правильная и не вызывает у обывателя нареканий – ведь благодаря ей каждые субботу и воскресенье детдомовцы попадают в благополучные семьи, где чувствуют родительскую заботу и тепло семейного очага. Как утверждают ее разработчики, воспользоваться программой может любая семья, было бы желание. Частично так оно и случается. Но все это лишь ширма, красивые слова, за которыми кроются грязные помыслы извращенцев-чиновников. На практике же воспользоваться программой могут далеко не все, а лишь те избранные, для кого она была разработана, то есть педофилы при власти. Нужно немедленно прикрыть эту лавочку, иначе из Поволжья эта зараза расплзется по всей стране. И тогда Россия станет Меккой для педофилов со всего мира.

– Да уж, перспективы мрачные... А что же КДН, проверку провела?

– Комиссия сделала запрос, и выяснилось, что обратившаяся к ним девочка якобы психически неполноценная. Ее предварительно даже на детекторе лжи проверяли. Получается, что ее последние показания – правда.

– И они в это поверили? – возмутился Андрей.

– Скорее закрыли глаза, удовлетворившись отпиской, как у нас это обычно практикуется. В общем, бедняжку вернули обратно в детдом, – развел руками Дугин. – Но история на этом не заканчивается. Вскоре девчонка вновь оттуда сбегала – по крайней мере такую версию озвучила директриса детдома. Так ли это на самом деле, или ее, даже страшно об этом подумать, уже нет среди живых, мы можем только гадать. Однако и это еще не все, – продолжал Павел Игнатьевич. – Вчера при весьма загадочных обстоятельствах погиб один из воспитателей того самого детского дома – на него, якобы приторговывающего психотропными наркотиками, вышли правоохранители, попытались задержать на квартире, но тот рванул на крышу. При попытке к бегству его ранили в ногу, мужчина не удержался и сорвался вниз, разбившись насмерть. При нем, конечно же, обнаружили наркотики. Лично у меня нет сомнений, что их подбросили. Тем более что наши люди навели о нем кое-какие справки. Порядочный, честный, его боготворили дети, никаких нареканий, работал с сиротами за нищенскую зарплату исключительно из любви к профессии... Таких в наше время единицы.

– Если честно, как-то не ассоциируется у меня в голове воспитатель детдома с наркотой, – заметил Ларин.

– Согласен, сработали топорно. Но зачем напрягать извилины, если лицензию на убийство тебе выдало вышестоящее начальство? Ведь наверняка воспитатель собирался предать огласке информацию, которая изобличала директрису дет-

дома и ее тайные договоренности с педофилами. Но, увы, не успел... – вздохнул Дугин. – Так что никаких зацепок у нас не осталось. Придется начинать с чистого листа.

– Как я понимаю, он был человеком неглупым, а значит, должен был предвидеть последствия и как-то перестраховаться. Может, он сделал копии документов, спрятал их в каком-нибудь укромном месте или передал знакомым? – поставил себя на место погибшего воспитателя Ларин.

– Возможно, – неопределенно пожал плечами Дугин и шумно выдохнул. – Сам видишь, дело очень серьезное и медлить нельзя. Поэтому в ближайшее время тебе предстоит побыть в шкуре инспектора из КДН, прибывшего в областной центр с целью проверки соблюдения прав несовершеннолетних детей, участвующих в «Программе выходного дня». Истинная же цель твоего визита – отыскать пропавшую девчонку, выяснить, кто стоит за гибелью воспитателя детдома, и по возможности накопать компромат на чиновников-педофилов. – Павел Игнатьевич протянул Андрею фотографию представительного мужчины в костюме и при галстуке, сделанную на какой-то пресс-конференции.

– А это еще кто? – Андрей внимательно всматривался в незнакомое лицо.

– Скалозубов Леонид Витольдович, близок к Кремлю, член Совета по нравственному и духовному воспитанию несовершеннолетних, – ответил Дугин.

– А он какое отношение имеет ко всему этому?

– Единственное, что нам известно, – он часто навещается в гости к губернатору области, всячески расхваливает его «Программу...» и при удобном случае рекламирует ее по телевизору на всю страну – мол, смотрите, учитесь, перенимайте опыт Поволжья... Да, Андрей, чуть не забыл – в этом непростом деле тебе будет помогать...

Андрей прекрасно понимал, что имеет в виду под словом «помогать» Дугин. Это могло означать только одно: ему вновь придется действовать не в одиночку, а вместе с напарником – точнее, с напарницей, как это бывало уже и раньше. А с ними у Ларина всегда возникал конфликт. Ну не любил один из лучших агентов тайной организации по борьбе с коррупцией постоянно с кем-то советоваться, спорить и доказывать, что именно так, а никак иначе будет лучше для общего дела. Правда, иногда эти самые напарницы спасали Андрею жизнь... Но и тут Ларин находил этому оправдание – мол, если бы ты меня послушалась, я бы не оказался в такой ситуации.

– ...так сказать, ангел-хранитель, который будет тебя подстраховывать. Если не возникнет форс-мажора, ты даже не узнаешь о его существовании, – закончил Павел Игнатьевич.

– В нашем деле без форс-мажора не бывает, – напомнил Ларин.

В зал древнеримского искусства уже вливалась очередная группа туристов: низкорослые японцы, пузатенькие немцы, скромные французы. Дугин и Ларин еще некоторое время

постояли у мозаики с мальчиком в короткой тунике и побрели дальше. Андрей уже не обращал внимания на экспонаты, не слушал экскурсовода; все его мысли были целиком заняты предстоящим заданием.

Глава 3

Босые ноги увязали в тягучей липкой глиняной жиже, над которой клубился, сгущаясь в белое облако, пар. В его разрывах то и дело мелькали избитые в кровь кулачки, расцарапанные лица и вспотевшие спины. Слышались крики, стоны, мольбы о помощи. Но они тонули в зубодробильных ритмах саундтрека к фильму «Мортал Комбат», врубленного на полную мощность. Громкая музыка буквально двигала колонки, сотрясала сабвуфер. Казалось, еще немного, и крутой музыкальный центр, подобно ракете, взлетит в небо.

Вокруг дерущихся на импровизированном ринге прыгал козлом молодой парень в черно-белой полосатой майке. «Рефери» постоянно дул в свисток, размахивал руками, орал, надрывая глотку. На него летели брызги грязи и крови.

– Куда?! Назад! Драться до последнего! – кричал он, возвращая в «мясорубку» тех, кто был уже не в силах продолжать драку.

За битвой не на жизнь, а на смерть наблюдал губернатор области Николай Павлович Ладутько. Тысячи крохотных пузырьков приятно покалывали, массируя его оголенное тело. Распухшая головка возбужденного члена красным буйком торчала над водой. Правда, дерущиеся дети не могли видеть его за бортиком. Над джакузи с высокопоставленным чиновником стоял холуй с подносом, на котором дымилась чашка

черного чая с мятой и лежал мегафон. Тут же стоял и второй – с полотенцем в руках и непонятным старомодным саквояжем под ногами, на котором почему-то было написано «ПОВЕРЬ В СКАЗКУ». Что там хранится за этой странной надписью, было известно лишь самому Николаю Павловичу и узкому кругу лиц.

Устало зевнув, Ладутько поманил пальцем холуя с подносом – отпил из фарфоровой чашки чая и, сморщив лицо, выплеснул горячий напиток на короткостриженный газон. А застрявший между зубов листок мяты сплюнул прямо на поднос.

– Пересахарили, мать вашу!

– Извините, Николай Павлович. Больше такого не повторится, – испуганным голосом проямлил крепкий мужик.

Губернатор поднял с подноса мегафон и махнул рукой – мол, вали отсюда, чтоб мои глаза тебя не видели. Холуй тут же удалился.

– Все, конец! А кто видел – молодец! – разлетелось по просторному двору особняка.

Музыка сразу же стихла. Замер и «рефери». Из образовавшегося над рингом облака начали выходить, а то и выполнять испачканные в грязи мальчишки и девчонки. В основном это были пятнадцати– и шестнадцатилетние подростки. У одного из пацанов была разбита губа и текла из носа кровь. Его товарищ хромал, стиснув в кулаке выбитый зуб. Смуглолицая девчонка плакала навзрыд, трогая фингал под глазом.

Другие же подростки были более или менее целы, не считая царапин и легких ушибов.

Кое-как, придерживая друг друга, они выстроились в шеренгу. Губернатор уже сел в джакузи, нижнюю часть тела скрыла пена пузырьков. Из колонок музыкального центра бодро зазвучал детский хор: «Чунга-Чанга, весело живем, Чунга-Чанга, песенку поем...»

– Всех излечит-исцелит добрый доктор Айболит, – радостно провозгласил в мегафон губернатор. – Ну а теперь по уже сложившейся традиции я определю сильнейшего и слабейшего. Первый, напомню, получит приз и деньги на карманные расходы. Последний – интригующее путешествие в волшебный мир сказки. Остальные же получают поощрительные призы. – Ладутько откашлялся и интригующе затянул, словно ведущий идиотского американского ток-шоу: – And the winner is...

Из шеренги, прихрамывая на левую ногу, под жидкие аплодисменты товарищей вышел пятнадцатилетний мальчик. Зазвучала торжественная музыка. Появился тот самый провинившийся холуй, только уже без подноса, а с большой коробкой, обернутой блестящей пленкой, перевязанной праздничной ленточкой и с бантиком сверху – вручил приз победителю.

Дети смотрели на своего товарища, уже позабывшего о боли и буквально сдирающего красочную обертку, с нескрываемой завистью. Пускай она и досталась ему ценой выбитого

зуба. Но на его месте хотел оказаться сейчас каждый. Ведь они, выросшие без родителей, не знавшие их теплоты и заботы, лишённые элементарных игрушек, готовы были терпеть любые унижения, лишь бы урвать небольшой кусочек украденного у них детства. Этим и пользовался губернатор.

– «Sony PlayStation-2»! «Sony PlayStation-2»! – не верил своим глазам мальчик, пожирая взглядом игровую приставку.

Глядя на ликующего пацана, Ладутько даже прослезился. Нет, он не сопереживал детдомовцу, не радовался вместе с ним. Это были слезы психически нездорового человека, извращенца и педофила, плачущего от осознания собственной безнаказанности, вседозволенности и могущества. В такие моменты Николай Павлович чувствовал себя властителем мира сего.

Проплакавшись, губернатор посерьезнел лицом и с металлом в голосе произнес:

– Самым слабым звеном стал... – Мальчишки напряглись. – Точнее, стала, – поправил сам себя Ладутько, и тут уже напряглись девочки. – Виолетта.

Девчушка побледнела и сделала шаг вперед. Внутри ее все тряслось. Ей казалось, что она здесь впервые. Но что-то подсказывало ей – это не так. В душе она прекрасно представляла, что предстоит пережить проигравшему. Такое даже в кошмарном сне страшно увидеть.

Поникшая Виолетта стояла опустив голову. Другие же

детдомовцы, получив утешительные призы в виде блоков жвачек, шоколадных батончиков и упаковок с газированными напитками, наскоро сполоснувшись в душе, потянулись к автобусу, дожидавшемуся их за трехметровым забором особняка. Нет, их, покалеченных и испачканных в грязи, не собирались сразу везти в детдом. Для начала их изолируют в специальном коттедже закрытого типа, где, как и обещал губернатор, детей «излечит-исцелит добрый доктор Айболит». А спустя недельку-другую они, поставленные на ноги врачом-педофилом, вернутся в родной детдом. Возможно, кто-то и не вернется. А потом вновь все по замкнутому кругу.

– Зайка, ну не трясись ты осиновым листком на ветру. Все будет хорошо, вот увидишь, – в глазах извращенца горел недобрый огонек. – Иди, переодевайся. Тебе все покажут и расскажут.

Девчушку увели в дом.

– Начинаем, Николай Павлович? – Холуй протянул полотенце.

– Как же я люблю этот момент, – выбравшись из джакузи, Ладутько принялся тщательно вытирать мокрое тело.

Холуй раскрыл саквояж с надписью «ПОВЕРЬ В СКАЗКУ», подобострастно улыбнулся и ретировался, дабы не мешать губернатору.

Насвистывая себе под нос веселую детскую песенку, Николай Павлович достал из старомодного саквояжа объемный

шерстяной скруток – то ли старая шуба, то ли шкура какого-то зверя. Тут же раскатал его на газоне. Им оказался костюм серого волка – подобный тем, в которые облачаются воспитатели детских садов на утренниках, разыгрывая перед детишками сценки из популярных сказок. С трудом натянув его на свое бесформенное, ломящееся от жира тело, Ладутько стал похож на дебильного телепузика, у которого ни с того ни с сего вдруг выросли хвост, лапы и шерсть.

– Маловат стал, – чувствуя, как расходятся, треща под мышкой, швы, проговорил Николай Павлович. – Надо будет Зверову позвонить, пускай перешьет. Или ну его на хрен – еще всяких гламурных блесточек с помпонами приделает...

Завершающим штрихом к новому образу Ладутько стала разрисованная акварельной краской под волчью морду маска из папье-маше с прорезями для глаз: устрашающий оскал, оттопыренные уши, кровожадный взгляд. Новоиспеченный «оборотень» опустил на корточки, запрокинул голову и завыл на воображаемую луну:

– У-у-у...

...Огромный особняк погружался в темноту. Одна за другой гасли люстры. С грохотом опускались роллеты на окнах. Щелкали, закрываясь, автоматические замки на дверях. Из многочисленных динамиков, установленных по всему дому, зашумел лес и наложенные на него в звуковом редакторе голоса зверей: уханье совы, фыркание ежика, монотонный стук дятла.

Напуганная до смерти девочка, переодетая в Красную Шапочку, сидела, забившись под стол в гостиной: тряслась, то и дело щипала себя за руку – мол, все это страшный сон, вот сейчас проснусь, и вся эта жуть исчезнет.

– Раз, два, три, четыре, пять, я уже иду искать, – раздалось из динамиков, и где-то в дальнем углу дома скрипнула дверь.

Виолетта трясущейся рукой приподняла краешек скатерти, осмотрелась.

Глаза девочки понемногу привыкали к темноте. И в ней, как в рассеивающемся тумане, уже начинали вырисовываться, приобретая очертания, мебель и предметы интерьера. Вот показался высокий шкаф, заставленный книжками. Пальма в кадке. Старинный резной комод. Камин и кочерга возле него. Картина, лосиные рога на стене...

И тут за стеной отозвалась противным скрипом половица.

– Где же ты? Ау! – долетело из соседней комнаты.

Девчонка встрепенулась – опустила скатерть и отползла подальше от края стола. Через узкую щелочку меж складок она увидела появившееся в дверном проеме чудище: крупное, с ушами, хвостом, горящими глазами. Словно сам дьявол собственной персоной явился.

«Оборотень» не стоял на месте – бродил по гостиной, заглядывая в шкафы, отдергивая шторы. Виолетта отчетливо слышала учащенное биение его сердца, прерывистое дыхание. Наверное, чувствовал биение ее сердечка и он.

– Я знаю, где ты, – прозвучало как приговор.

Девчонка поняла, что обнаружена. Прятаться дольше не имело уже никакого смысла.

Виолетта пулей выскочила из-под стола, намереваясь проскользнуть мимо «оборотня», но просчиталась. Тот только того и ждал. Уродливая лапа вцепилась в ее красное платье, потащила по паркету. Девчонка отчаянно сопротивлялась: колотила ногами и кулачками по полу, кричала, пыталась ухватиться то за ножку комода, то за кадку с пальмой. Но тщетно. Когда казалось, что выхода нет, рука девочки нащупала в темноте что-то холодное и увесистое.

Схватив кочергу, Виолетта что было силы огрела ею «чудище» по спине. «Оборотень» взвыл от боли, отпустил платье и, матерясь, схватился лапой за поясницу.

– Мы же так не договаривались, сучка, – ревел он, мечась по гостиной.

Девчонка вскочила на ноги и стремглав побежала. Уже оказавшись в просторной прихожей, осмотрелась. Парадная дверь была закрыта. Единственный путь к отступлению – лестница на второй этаж.

– Не удерешь! Найду и порву, как Тузик грелку, – кричал, угрожая, «оборотень».

Ступеньки путались под ногами. Виолетта спотыкалась, падала, вставала, вновь спотыкалась... Ей казалось, что эта злосчастная лестница никогда не закончится – так и будет бесконечно подниматься вверх. А оправившийся от удара «оборотень» уже брел следом за своей жертвой.

Наконец ступеньки закончились, слившись с полом. Девчонка замерла в нерешительности. Перед ней простирался длинный коридор с множеством дверей. «Что дальше? Куда бежать?» – промелькнуло в ее голове. Ответ нашелся быстро – куда угодно, только не назад.

Одна, вторая, третья, четвертая... поочередно дергала за ручки закрытых дверей Виолетта и тут же бросалась к другой в надежде, что следующая обязательно окажется открытой.

До второго этажа добрался и «оборотень». Он стоял посреди коридора, тяжело дышал, упершись расставленными лапами в стены, сверлил хищным взглядом загнанную в ловушку жертву. Не спешил, знал, что девчонка никуда не денется. Поэтому медлил, смакуя момент своего могущества. Ну а когда будет совсем невтерпеж, то набросится на нее, сорвет с нее красное платье и...

Наконец одна из дверей подалась. Виолетта проскользнула внутрь и тут же заперлась изнутри. Отдышалась, обернулась и сразу же осела на уложенный кафельной плиткой пол уборной. Отступить было некуда – глухие стены без окон, а вентиляционное отверстие, прикрытое решеткой, настолько мало, что туда с трудом пролезет даже детская голова.

– Открывай! Не томи! – И дверь сотрясли два удара. – Я сейчас ее сломаю. Ты слышишь? Открывай! – последовал удар ногой.

Виолетта бросилась к зеркальному шкафчику над умывальником и принялась высыпать с полок в раковину его со-

держимое. Вниз со звоном посыпались флакончики с дорожными духами и дезодоранты в баллончиках, ватные палочки, зубные щетки, мыло, шампуни и гели для душа. Упала и пачка сигарет с зажигалкой. Видимо, хозяин дома любил подымить ароматным табаком во время посиделок на унитазе.

– Ты что там творишь? – нежно шептал «оборотень», молотя в дверь то кулаками, то ногами.

– Пшел на х... ублюдок! – красная шапочка полетела в унитаз, зашумел сливной бачок.

Девочка посмотрелась в зеркало – на ее лице уже не было и тени страха. Взяв в одну руку баллончик с дезиком, а в другую зажигалку и вытянув ее перед собой, она повернулась к двери, готовясь встретить «оборотня» во всеоружии.

– Входи, извращенец долбаный! – прозвучало совсем не по-детски.

Хозяин особняка ломать дверь не стал, просто повернул монеткой прорезь в замке, защелка отошла. Дверь медленно открывалась к Виолетте, которая уже успела спрятать баллончик и зажигалку за спину. «Серый волк» переступил порог и тут же замер, встретившись с враждебным взглядом девчонки.

– Ты почему играть со мной не хочешь?

– Получай, гнида мохнатая!

Чиркнула зажигалка, и уборную осветил пляшущий язычок пламени. Только теперь губернатор увидел, что задумала девчонка. Но было уже поздно – зашипел, стрельнув струей

спрея на огонь, баллончик с дезодорантом.

Искусственная шерсть волчьего костюма вспыхнула моментально. Пылающий ярко-синим пламенем «оборотень» факелом вылетел из уборной и понесся по коридору, снося на своем пути настенные светильники и дорогие картины. К нему навстречу уже спешил холуй с огнетушителем...

...Ладутько приоткрыл глаза и не сразу понял, где находится: маленькая комнатка, мониторы на столе, пульт управления с джойстиком, привязанная веревкой к стулу Виолетта с кляпом во рту. Дымящийся электрочайник на тумбочке. На полу валялся облепленный белой пеной обгоревший костюм волка. Почерневшая маска из папье-маше лежала рядом.

– Николай Павлович, вот чаек с мятой, сахара совсем чуть-чуть, как вы любите, – прожужжал над его ухом холуй.

До Ладутько наконец дошло, что он находится в служебном помещении, предназначенном для видеонаблюдения за особняком и прилегающей территорией. Он хотел было подняться – но тут же закружилась голова.

– Какой, на хрен, чай? – поморщился губернатор. – Вискарь давай!

– Сию минуту, Николай Павлович. – Хлопнула дверца тумбочки, зазвенела посуда, холуй протянул хозяину литруху шотландского вискаря и стограммовую рюмаху.

Ладутько выхватил из его руки бутылку и, даже не посмотрев на стопку, приложился к горлышку. С трудом засадив

через дозатор четверть литра, губернатор покраснел и смачно отрыгнул. Да так сильно, что холую даже показалось, будто качнулась занавеска на окне.

– Ух, пошла-побежала, родимая, по трубам, – почувствовав прилив сил, Николай Павлович присел на диван, откинулся на спинку и взглянул на привязанную к стулу девчонку. – Ну и потешила же ты меня. Никогда прежде так не возбуждался. Правда, палку немного перегнула, весь реквизит похерила. – И он с сожалением взглянул на испорченные костюм и маску. – Но в целом интерпретация «Красной Шапочки» в твоём исполнении мне понравилась.

Виолетта что-то замычала.

– Николай Павлович, что делать с ней будем? – осторожно спросил охранник.

– Что делать, что делать... – передразнил его Ладутько. – Бабла на карман, сникерсов-...уикерсов, месячный абонемент в салон красоты за проявленную отвагу и мужество и обратно в детдом. Заслужила, – расщедрился все еще пребывающий под впечатлением от пережитого «оборотень-неудачник».

– Так она ж вас чуть заживо не сожгла. Да и ранее отличилась – в Москву ездила, на вас клеветала, – удивился холуй.

– Так это та самая беглянка, которая в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав обращалась? – спохватился Николай Павлович. – Старею, память на лица совсем ни к черту стала, на другое смотрю... Тогда, значит,

поступим так. Отправляй ее в коттедж к Айболиту, пускай с ней позанимается по индивидуальной программе, так сказать, укольчики поколет, микстурой попоит. А через пару неделек посмотрим. Исправится – хорошо. Не исправится – ну тогда... в общем, ты все понял.

Холуй «принял под козырек». Отвязал от стула Виолетту, взвалил ее, брыкающуюся, на плечо, словно какой-нибудь мешок картошки, и вышел.

Зазвенел инкрустированный камнями мобильник Vertu в позолоченном корпусе. Ладутько раздраженно глянул на экранчик, поколебался, но вызов все же принял.

– Да.

– Николай Павлович, доброй ночи. Это вас Евсеев беспокоит.

– Открыл, блин, Америку, – пробурчал губернатор. – Тебе чего не спится?

– У нас тут проблемка одна возникла. Завтра утром в город приезжает инспектор из КДН, собирается детдом проверить и вообще промониторить ситуацию с правами несовершеннолетних в области.

– Ну так встретьте его хлебом-солью, покажите, как у нас хорошо, напоите-накормите, денег отвалите и обратный билет в Москву купите. Меня-то какого черта дергать?

– Посоветоваться решил, – извиняющимся голосом произнес Евсеев. – Вы же сами...

– Я сам и вы сами...

– Но...

Николай Павлович, даже не дослушав собеседника, отключил мобильник и вновь приложился к бутылке.

– А может, ну его, этого волка? Задрал уже. Может, костюм Кощея заказать? Или Фредди Крюгера? Нет, непатриотично – однопартийцы не поймут, – прикидывал захмелевший губернатор области.

Глава 4

По прибытии в город Андрей Ларин вопреки своим ожиданиям так и не заметил повышенного внимания к своей персоне. От самого вокзала за ним не было никакого хвоста, слежки. Ни фургончиков с наружкой, ни подозрительных типов с замаскированными наушниками типа слуховых аппаратов он так и не увидел. Ларин даже ненароком подумал, что слишком расслабился за последнее время и просто не замечает очевидного. Но тут же отмел эту мысль из-за абсурдности. Ведь постоянные тренировки, которым подвергал его Павел Игнатьевич Дугин, не давали потерять форму и навыки. А значит, слежки действительно не было, что, конечно же, настораживало и склоняло к логическому вопросу – а вдруг таким способом они пытаются усыпить его бдительность, создать иллюзию безопасности, а потом в самый неожиданный момент нанесут упреждающий удар?

Заранее забронированный гостиничный номер, в который его заселили, оказался чист от «жучков», камер и прочей шпионской хрени. В этом не было никаких сомнений. Ведь Ларин облазил каждый его уголок-закуток, даже разобрав и собрав вновь старомодный телефонный аппарат.

Приняв с утомительной дороги контрастный душ, приободрившийся Андрей налил в стакан свой любимый морковный сок и, взяв на тумбочке местную рекламную газе-

ту, прилег на кровать. Глаза пробежались по объявлениям, пестрящим заманчивыми скидками и бонусами: «ноутбуки в кредит под 0 %», «наращивание ногтей по самым низким в городе ценам», «увеличение груди», «лечение от запоя, заикания и энуреза»... Бегающий по газетным полосам взгляд наконец остановился на картинке с мотороллерами, мопедами, скутерами, байками и горными велосипедами. Рекламный слоган фирмы, предлагавшей напрокат двухколесный транспорт, зазывал: «Слышишь, ты, не будь улиткой. Прокатись-ка с ветерком».

«Креативно, однако», – ухмыльнулся Ларин, набирая указанный в рекламке контактный телефон.

Через час Андрей уже несся по центральной улице на новенькой «Ямахе». Одет он был подобающе своему железному коню: черные лакированные ботинки на высокой шнуровке, заправленные в них потертые джинсы, кожаная куртка с заклепками и серебристый шлем, обьятый языками пламени. В забрале с зеркальным напылением мелькали, пролетали, оставаясь далеко позади, обгоняемые им машины.

Ларин считал мотоцикл самым быстрым, маневренным и надежным видом транспорта. Во-первых, на нем всегда можно уйти от погони, свернув в узкую подворотню. Во-вторых, не надо стоять в пробках. Ну а в-третьих, в отличие от громоздкого автомобиля его можно спрятать в кустарнике или вовсе закатить в подвал. Эти неоспоримые преимущества железного коня не раз спасали Андрею жизнь.

Моргнув поворотником, «Ямаха» съехала на автостоянку перед детским домом. Ларин заглушил двигатель, откинул ногой подножку и повесил на руль шлем. Над головой спешившегося мотоциклиста раздался стрекот. Андрей закатил глаза на небо. На фоне белесых облаков, рубя лопастями воздух, летел вертолет, таща за собой длинный баннер с ярко-красной надписью: «Программа выходного дня. С заботой о детях. Искренне ваш Ладутько Н.П.», и следом плыла по небу еле взлезающая на полотнище огромная отъевшаяся харя губернатора.

Столь внезапное появление «инспектора из КДН» повергло директрису детдома в ступор. Поначалу она и вовсе не хотела верить, что Ларин именно тот человек, за которого себя выдает, – ее насторожил его байкерский прикид. Но, увидев документы, тут же сменила тон и выражение лица, пригласив гостя пройти в кабинет.

– Вы бы хоть предварительно позвонили, а то прямо как снег на голову, – ерзала в директорском кресле Евгения Викторовна Ермакова – мужеподобная женщина с грубым лицом, в парике и с хрипотцой в голосе.

Андрей не случайно на встречу с директрисой вырядился байкером. Он отлично знал психологию людей. Будь сейчас на нем деловой костюм, белая сорочка и галстук да кейс на коленях – хозяйка кабинета смотрела бы на него с настороженностью, опаской. Мол, такой серьезный, решительно настроенный, будет до каждой мелочи доколуываться. То-

го и гляди замочками кейса щелк, а там диктофон или, того хуже, камера скрытая. А вот потертые джинсы, кожанка, недельная щетина делали из Ларина такого добродушного бывшего хиппи или завязавшего байкера с открытой душой, располагающего к себе. Такой типаж ну никак не мог плести за спиной коварные планы. И эта уловка действовала.

– Работа у меня такая – появляться в том месте и в то время, где меня никто не ждет, – заулыбался Андрей и перешел к делу. – Евгения Викторовна, я работаю в КДН не первый год, много ездил по стране, разговаривал с вашими коллегами и знаю все трудности, с которыми вам доводится сталкиваться. Руководить детдомом – это адский, я бы даже сказал, титанический труд. Но не мне вам об этом говорить. – Ларин забросил ногу на ногу, доверительно посмотрел в глаза директрисы. – Вы как мама для этих бедных детей: постоянно выпрашиваете у государства жалкие крохи, лишь бы купить лишнюю игрушку, сладость, сделать в детдоме косметический ремонт. Вы переживаете за них, не спите ночами, принимая их проблемы к сердцу как свои. Стараетесь вырастить из них полноценных членов общества. А что получаете взамен? Нищенскую зарплату и временами «нож в спину»... Поверьте, Евгения Викторовна, не вы первая и не вы последняя. В чем только не обвиняют детдомовцы людей вашей профессии – диву даешься, – вздохнул он. – Почему так происходит? К сожалению, всегда найдется обиженный ребенок, которому кажется, что его обделили, любят мень-

ше других. Вот он и пытается отомстить, выдумывая всякие небылицы.

Заранее подготовленный спич буквально пригвоздил Ермакову к спинке кресла. Чего-чего, а услышать такое от инспектора при первой встрече она явно не ожидала. Думала, тот начнет проверять документацию, задавать провокационные вопросы. Но чтобы вот так, по-душевному, с пониманием, да еще и с сожалением...

И тут Андрей не прогадал. Ведь человеку, которому есть что скрывать, который чего-то боится, всегда удобнее занять позицию обиженной стороны, из обвиняемого превратиться в потерпевшего – такую возможность своей собеседнице он предоставил. А та «клюнула», ведь ей действительно было что скрывать.

– Я сама не пойму, почему Виолетточка так поступила. Я же ее, как дочь родную, любила. А она мне, как вы правильно заметили, возьми да нож в спину! Каких-то педофилов нафантазировала, гадости понарасказывала... Откуда только слова такие знает? Ладно я – может, и в самом деле где-то недосмотрела, голос на нее повысила. Может, и рукой перед носом махнула. Но зачем подобную ахинею нести и уважаемых людей области во все это впутывать? Мне им теперь в глаза стыдно смотреть. Особенно уважаемому Николаю Павловичу. Широкой души человек, последнюю рубашку готов снять, чтобы детдому помочь. – И она преданным взглядом посмотрела на маленький портрет Ладутко в пле-

тенной рамочке. – Подошла бы ко мне, поговорили б... А так что вышло? Я ж Виолетточку, когда она из Москвы вернулась, простила. Она у меня даже прощения попросила. Ну, думала, все, образумился ребенок. А она – бац, и опять сбегала. Даже страшно подумать, что с ней сейчас, – врала, даже не краснея, примеривая на себя роль потерпевшей, Ермакова.

– Вы знаете, я не удивляюсь. Особенно если учесть, что она психически нездорова. Кто знает, что творится в ее маленькой головке, – подыгрывал директрисе Ларин. – В общем, картина мне абсолютно ясна. Будь моя воля – я бы сегодня же отправился в Москву, наскоро подготовив отчет, выставив вашему детдому исключительно положительные оценки, и не тратил бы ваше драгоценное время. Но, увы, придется соблюсти кое-какие формальности, – словно бы извиняясь, развел руками Андрей.

– Что вы! Конечно. Нам абсолютно нечего скрывать, – охотно подхватила Евгения Викторовна. – Завтра же организуем вам экскурсию по детдому, пообщаетесь с воспитателями, детьми... – Директриса бросила взгляд на настенные часы и спохватилась: – Ой, забыла, сейчас же у них начнется представление в актовом зале. Мне надо срочно бежать. Вы не беспокойтесь – к завтрашнему утру я подготовлю всю необходимую документацию.

– Вы не против, если я составлю вам компанию? – предложил Андрей.

– Чудесно, – улыбнулась Ермакова. – Заодно и посмотрите, какая у нас культурно-развлекательная программа...

...Дети стекались в актовый зал: занимали места, глазели на пустую сцену, перешептывались – мол, интересно, что будут показывать на этот раз. Сцена же пока пустовала, но за кулисами уже просматривалось какое-то движение.

В ожидании представления дети начали маяться. Толстяк с третьего ряда зашелестел оберткой. Конопатый хулиган вывел ярким маркером на деревянной сидушке: «Вера лошица». Рыжий осторожно приклеил к волосам белобрысой девчонки жевательную резинку. Наголо стриженный пацан с фингалом под глазом прописал смачного фофана очкарику.

Ларин с директрисой сидели на галерке.

– Евгения Викторовна, я тут у вас Доску почета видел. Возрождаете добрые советские традиции? – как бы между прочим спросил Андрей.

– А почему бы и нет? Ведь это своеобразный рейтинг работников, который развивает в каждом из них дух соперничества, стимулирует к новым свершениям. Но мы не ограничиваемся лишь одной визуальной информацией – постоянно поощряем лучших денежными премиями, выходными, – похвалилась Ермакова.

– А если этот лучший вдруг провинился? Ну, скажем, начал опаздывать на работу, перестал надлежащим образом исполнять свои служебные обязанности? Его фотографию с Доски почета снимают?

– Естественно. Правда, за время моего руководства у нас был лишь один подобный случай, и тот произошел буквально на днях, – разоткровенничалась Евгения Викторовна, тут же спохватилась, но, как говорится, слово обратно в рот уже не вложишь.

– Впечатляющая статистика. И кто же этот человек?

– Один из наших воспитателей. Настоящим профессионалом своего дела был, постоянно на Доске почета его фото висело.

– Был? – переспросил Ларин.

– Именно что был. Оказалось, наркотиками баловался, погиб, с крыши сорвался – в общем, несчастный случай, – протараторила Ермакова и тут же переменяла тему. – Вчера к нам на работу пришла новая воспитательница-волонтер. Ей и зарплата не нужна; говорит, мол, у нее выходы на западные гранты есть, так что она женщина обеспеченная, но печется о детях-сиротах. Обещала помощь из-за границы организовать. Фея просто. Я и дети от нее в восторге. Отзывчивая, добрая, работающая. К тому же фокусы показывает. Представляете, только вчера оформилась, а уже говорит мне – Евгения Викторовна, давайте завтра детям праздник устроим, волшебное представление покажем. А я говорю – так ведь деньги нужны, чтобы выездной цирк заказать, а у нас с ними напряженка. А она в ответ – я сама справлюсь, вы только добро дайте. Так я и дала. Вот теперь сгораю от любопытства, что же за такое волшебное представление она

нам приготовила...

Андрей уже собирался было вернуться к разговору о погибшем воспитателе и попытаться вытянуть из директрисы хоть какую-нибудь стоящую информацию, но тут в зале внезапно погас свет. Дети стихли, замерев в ожидании.

Вспыхнул прожектор. Мрачно-желтый конус высветил на сцене стройную молодую женщину в голубом цилиндре и розовом фраке. Ее лицо скрывал грим – белый как мел. Губы фокусницы были накрашены яркой красной помадой, а глаза обведены черной, как смоль, тушью. В правой руке женщина держала указку, на кончике которой золотилась, сверкая сотнями блесток, звездочка.

– Приветствую вас, мои дорогие, – обратилась она к юной аудитории.

Раздались бурные овации. Фокусница медленно подняла руку с указкой – и аплодисменты сошли на нет.

– Позвольте представиться. Я Великая Волшебница Анастасия Непревзойденная, – продолжала она. – Сегодня вы станете свидетелями магии, и на ваших глазах произойдет настоящее чудо. Такого вы еще никогда не видели. Ну что ж, не буду вас томить. Прошу внимания.

В динамиках раздалась барабанная дробь – точь-в-точь как в цирке, когда акробат собирается совершить опасный трюк. Но прыгать через охваченный огнем обруч, балансировать на канате или совершать невероятные кульбиты через голову женщина, естественно, не собиралась. Это нехит-

рое звуковое сопровождение лишь служило фоном, подчеркивающим важность момента, который вот-вот должен наступить.

Когда же дробь участилась и тут же резко стихла, фокусница моментально сняла с головы цилиндр и вытащила из него за уши серого кролика – продемонстрировала его раззявившим рты детям и спрятала обратно. Затем последовало несколько взмахов волшебной палочкой, и из цилиндра выпорхнул белоснежный голубь, полетел над головами изумленных детишек. Заложив круг, он приземлился на ладонь той, которая эпатажно именovala себя Анастасией Непре-взойденной.

Ларин смотрел на происходящее отстраненно. Все эти фокусы-шмокусы напоминали ему дешевое шоу. Он уже наперед знал, чем будет «удивлять» детдомовцев молодая женщина-фокусница. После традиционных кроликов-голубей обязательно последует вытянутая из рукава длинная гирлянда из цветастых платочков, затем она пригласит на сцену одного из юных зрителей, и в его кармане обязательно найдется конфетка, о существовании которой он и не подозревал. Прозвучат бурные аплодисменты. Низкий поклон. Занавес опускается. Всем пора спать.

Андрей как в воду глядел. Показав предугаданные им фокусы, молодая женщина послала в зал воздушные поцелуи и поклонилась. Дети повставали с сидений и захлопали в ладоши. Для приличия поаплодировал и Ларин.

– Садитесь-садитесь, дорогие мои. Это еще не все, – прозвучало интригующе не только для детдомовцев, но и для Андрея, который подобного поворота событий явно не ожидал и уже гадал, что же такого, чего он не знает, подготовила на десерт Анастасия Непревзойденная.

Мрачный прожектор над сценой внезапно погас. Зал погрузился в крошечную темноту. Но не прошло и пяти секунд, как он вспыхнул вновь – на этот раз ярче. В конусе света стояла тумба, а на ней – объемный стеклянный шар. Фокусница гладила его ладонями, приговаривая при этом какое-то заклинание.

– Шнополис парамбум белебердым, – пробормотала она и вдруг выкрикнула: – Ахтунгус! – И шар чудным образом завертелся, зависнув над ее сведенными ладонями.

Детишки с первого ряда аж вздрогнули, вжавшись в кресла. Ларин, который еще несколько минут назад откровенно скучал, заинтересовался происходящим на сцене, не понимая, в чем же прикол.

– С помощью этого волшебного шара я прочитаю ваши мысли, – произнесла Анастасия Непревзойденная, перевоплотившаяся в экстрасенса, и обратила свой взор в зал. – Третий ряд, мальчик в желтой футболке. Да-да, ты. Встань.

Выбранный фокусницей детдомовец, поколебавшись, поднялся. Шар тем временем остановился и начал крутиться уже в другую сторону.

– Тебя зовут Витя. Любишь аниме. Недавно сломал руку,

играя в футбол. Мечтаешь стать телеведущим. Влюблен по уши в девочку, имя которой я знаю, но называть при всех не стану. Даже сейчас о ней думаешь. Правильно? – прозвучало со сцены.

Удивленный мальчик покраснел и смущенно кивнул. С соседнего ряда на него уже пялилась, округлив глаза, та самая Маргарита, которая давно подозревала, что у нее есть тайный воздыхатель.

– В заднем кармане твоих джинсов лежит... лежит... – Молодая женщина напряглась, ее руки вздрогнули под вращающимся шаром. – Лежит... – Накрашенные губы расплылись в улыбке. – Я так и думала. Сложенная вчетверо любовная записка, написанная на клетчатом листике, вырванном из тетрадки по математике. Ты написал ее уже давно и постоянно носишь с собой, так и не решаясь отдать. Я даже вижу буквы, могу прочитать...

Детдомовец в желтой футболке умоляюще посмотрел на фокусницу – мол, все что угодно говорите, даже можете озвучить на весь зал, что сейчас на мне трусы в полосочку или что под матрасом спрятана пачка сигарет, но только не читайте записку. И Анастасия Непревзойденная смирноследила:

– ...Хорошо, Витя. Но обещай, что не позже, чем завтра, расскажешь о своих чувствах девочке, – и, получив незамедлительно утвердительный ответ, сказала: – Я потом у нее сама спрошу. Садись.

Мальчик в мокрой и липкой от пота майке шумно выдох-

нул – дескать, пронесло, и буквально упал в кресло.

Шар неожиданно остановился. Фокусница моментально выдернула из-под него руки, будто тот был раскаленный, и устало вздохнула.

– К сожалению, мои силы иссякли, – проговорила она. – Но я успела считать мысли еще одного человека, присутствующего в этом зале.

Все дети напряглись – никому не хотелось, чтобы о его тайнах узнали все остальные. Лишь один Витя чувствовал себя спокойно – как говорится, отстрелялся.

– Вы, мужчина. – Волшебная палочка со звездочкой уже указывала на галерку. – В кожаной куртке, – уточнила она. – Встаньте, пожалуйста.

Весь зал облегченно вздохнул. Андрей же, наоборот, почувствовал себя неуютно. Первой мыслью было встать и уйти, сославшись на неотложные дела. Но Ларин сдержался – поднялся и, вальяжно скрестив на груди руки, скривил на губах ухмылку.

«Ты же знаешь, что никакой магии, экстрасенсов и прочей байды не существует. Все это чистой воды блеф. Ну, крутился у нее в руках шар – так что с того? Не сам же по себе, какой-то механизм в тумбе явно был. А пацана этого так вообще на три-пятнадцать развела – пообщалась до этого с его друзьями, разузнала то да се... Ну, вот зачем меня, совершенно незнакомого ей человека, подняла? Может, понравился? Ладно, не грузись, все равно, кроме общих фраз и

обтекаемых формулировок, ничего не скажет», – размышлял скептически настроенный Андрей, и все же что-то в этой молодой женщине, одетой во фрак, его настораживало.

– У вас сложная и ответственная работа, – начала «читать мысли» Ларина Анастасия Непревзойденная, – много ездите по стране, у вас мало свободного времени, обожаете быструю езду, не любите смотреть телевизор...

«Чего и следовало ожидать – очередное бла-бла-бла», – слушая фокусницу-экстрасенса, улыбался Андрей.

– ...вы не женаты, у вас нет собственной квартиры, живете то в гостиницах, то снимаете жилье. У вас очень требовательный начальник, у него очень оригинальный подход к работе. Его зовут то ли Иваном, то ли Сергеем, то ли... Павлом...

Ларин насторожился – но виду не подал.

«Ну назвала несколько распространенных имен. Ну с одним угадала. Совпадение, да и только».

– Ваш любимый певец – Утесов... Вы всегда радуете за справедливость, защищаете невинных и наказываете виновных. – Анастасия Непревзойденная сделала паузу и продолжила: – Сейчас вы мечтаете чего-нибудь выпить, так как в горле у вас пересохло. Но не просто воды, а сока: не апельсинового, не яблочного, не томатного, а... – И женщина сделала такой жест, будто выдергивала морковку из грядки. – Ну, вы поняли меня.

Последний жест с воображаемой морковкой гвоздем засел

в голове у Андрея. «Вот же черт. Откуда ей это известно?» Улыбка исчезла с его лица.

– ...На этом все. Больше я ничего не вижу, – на радость Ларину, заявила наконец молодая женщина.

Шокированный Андрей занял свое место. Зал взорвался аплодисментами. Откланявшись, Анастасия Непревзойденная, взмахнув на прощание волшебной палочкой, исчезла за кулисами.

– Bravo! – громко крикнула ей вслед Ермакова и повернулась к задумчивому Андрею. – А ведь точно она вашу профессию описала. И поверьте – она не знала, что вы приедете... Просто диву даешься.

– Это точно, – выдавил из себя улыбку Ларин.

* * *

Моросил дождь. По серому небу тянулись такие же хмурые, как и лица горожан, тучи. Вот-вот должен был зарядить сильный ливень, согнав с улицы последних прохожих.

Алиса, отбывшая трехдневный административный арест, брела по тротуару, наступала в лужи, жадно вдыхала насыщенный озоном воздух, подставляя свое бледное личико колющимся каплям. Изолятор временного содержания, в котором она провела последние дни, остался уже далеко позади. Где-то там в его стенах все еще продолжали отбывать «сутки» ее подружки-коллеги по правозащитной деятельности,

вывесившие на пятиэтажке баннер.

Вот показался знакомый двор, родной подъезд. Пискнул домофон. Ступенька за ступенькой уставшая Алиса поднималась к себе в квартиру. Она была настолько погружена в свои мысли, что не сразу заметила соседа Митю, дымящего сигаретой на лестничной площадке.

– Ба, какие люди в Голливуде! – стряхнув пепел в пустую банку от растворимого кофе, расплылся в широкой улыбке продавец пиратских DVD-дисков. – С возвращением. Извини, что без цветов и не при галстуке. Думал, что тебя «по полной» упекли.

– Только ты не доставай. – Алиса уже вставляла ключ в замочную скважину.

Митя затушил окурок о край жестяной банки, подошел к Алисе и прошептал:

– Тебе тут кое-кто что-то передал. Наверное, один из ваших – ботан такой в очках.

– Мне? – удивилась правозащитница. – Очкарик? Сюда приходил? Не знаю я никаких очкариков и адрес свой музикам принципиально не даю. Пить надо меньше, Митя. Ты еще скажи, что за мной марсиане прилетали.

– Да нет же. Тогда, на площади, после того как тебя загребли, – уточнил парень. – Подошел ко мне, спросил, знаю ли я тебя. А я ему отвечаю – а как же не знать, это ж моя соседushка, которая с головой не дружит. Значит, достал этот ботан тысячу и протянул мне. Я деньги не взял, это ж зна-

комый твой. А потом конверт какой-то мне сунул. Говорит – обязательно ей передай. Зашуганный такой был, мама не горюй, – поведал Митя.

Только теперь Алиса вспомнила, что накануне ареста на ее аккаунт в «ВКонтакте» пришло сообщение от некоего юзера без фотки с ничего не говорящим ником «12345». Он просил о встрече, говорил, что готов помочь правозащитнице в борьбе за права несовершеннолетних детей. Девушка согласилась встретиться и попросила того не опаздывать. Но их встреча так и не состоялась. И вот теперь выясняется, что он передал ее соседу какой-то конверт...

– Где он? – протянула руку Алиса.

– Будешь должна, – подмигнул парень, сгонял к себе в квартиру, вернулся на лестничную площадку уже с конвертом и вручил его девушке. – И не смотри на меня так косо. Он запечатанный. Больно мне надо в вашей правозащитной хрени копаться...

– Спасибо, Митя, – и перед носом парня захлопнулась металлическая дверь.

– Спасибо в карман не положишь и на хлеб не намажешь, – пробубнил продавец DVD-дисков.

После вонючей камеры, пропитанной потом и сыростью, оказаться в своей, хоть и съемной, квартире было верхом блаженства. Приняв горячую ванну, переодевшись в чистое белье и выпив чая, Алиса легла на кровать. Но как ни пыталась уснуть – все напрасно. Так и лежала с закрытыми глаза-

ми, переживая за своих подружек, оставшихся в СИЗО. Да и конверт, который она так и бросила на зеркало в прихожей, не давал ей покоя. Хотя девушка твердо пообещала себе, что откроет его не раньше завтрашнего утра – надо же и отдохнуть от дел.

Не выдержав, Алиса встала и сварила себе крепкий кофе. Через несколько минут она уже сидела за компьютерным столом, читая при свете настольной лампы письмо:

«...Я боюсь за себя и Вас, а потому решил написать, а не просто рассказать при встрече; не надо, чтобы нас видели вместе. За мной следят... с недавних пор в детском доме, где я работаю воспитателем, стали твориться ужасные вещи. Поначалу я их не замечал, но когда ко мне за помощью обратилась девочка, одна из участниц так называемой «Программы выходного дня», Виолетта Петрашевская, и рассказала, что с ней вытворяли, внутри меня все вскипело. Но как же я ошибался, подумав, что найду справедливости у директрисы... Оказалось, что и она замешана во всем этом. Я не Геракл, в жизни и мухи не обидел. Да и что бы изменилось, если б я кому-нибудь набил морду? Нужны весомые улики, которые потом можно было бы предъявить в суде. А так, кто поверит словам простого воспитателя? – Алиса видела, что письмо написано впопыхах, дрожащей рукой. – И кое-какие документы мне удалось добыть, но этого было мало. Нужны были более весомые доказательства. Я сумел сделать копии ключей от квартиры директрисы и от

ее кабинета. Но на меня уже спущены цепные псы. Словно церберы, они идут по моим пятам, дышат в спину. Я понимаю, что не справлюсь. Поэтому и обращаюсь к Вам как к преданной своему делу правозащитнице. Искренне верю, что Вы сделаете все возможное, чтобы справедливость восторжествовала.

P.S. Документы я отправил на адрес Вашего головного офиса в Москву, ведь вы сообщили мне только их адрес. Боюсь, до завтра не доживу. И это не преувеличение. Теперь у меня, а точнее, уже у Вас, остались только ключи. У меня есть одно подозрение... Возможно, за дверью, которые они откроют, Вы найдете то, что позволит упечь преступников за решетку».

Далее шел адрес квартиры директрисы и дата – та самая, когда Алису загребли на центральной площади пэпээсники.

– Мужик, называется... Чему такой трус может детей научить? – сперва справедливо возмутилась Алиса, но затем добавила: – Все-таки душа у него есть и кое-какая смелость. Посмотрим, кто он такой.

Девушка, сверяясь с письмом, набрала в строке поисковика фамилию и инициалы воспитателя. Улов оказался небольшим. Две ссылки на авторство статей в педагогическом журнале и одна – на Ю-тьюб. Видео заставило ее вздрогнуть. Один из жителей рабочего квартала, уходящего под снос, успел заснять на камеру мобильного то, как полицейские гонятся по крыше за его соседом – воспитателем детского до-

ма.

Девушка отвела взгляд от монитора, на котором застыло бездыханное тело, утерла рукавом ночнушки слезы и заплаканными глазами посмотрела на разорванный конверт. Звонить в головной офис правозащитной организации не было смысла. Если бы на ее имя пришла корреспонденция, ей бы об этом уже сообщили по электронной почте.

– Можете не сомневаться, я сделаю все, что в моих силах, – пообещала она тому, кого уже не было среди живых.

О столешницу звякнули, заблестев металлом под ярким светом настольной лампы, два ключа.

* * *

Набитая маршрутка, скрипнув тормозами, высадила Алису возле шестнадцатиэтажной новостройки – элитного жилого дома в одном из престижных районов города. Было достаточно беглого взгляда, чтобы понять – здесь живут состоятельные люди: арочные окна, балконы-эркеры, хай-тек-ковский декоративный шпиль на крыше. Окружавшие VIP-здание старенькие обшарпанные пятиэтажки и девятиэтажки выглядели на его фоне просто убогими карликами советской эпохи, которые так и просились под снос.

Автостоянка перед «небоскребом» практически пустовала. Припаркованные на ней машины можно было по пальцам пересчитать: красный «Лексус», серебристый «Май-

бах», «Лендровер» с кенгурятником да непонятно как оказавшаяся в этих краях старенькая добитая «Лада», за рулем которой сидел настоящий великан-богатырь: широкие плечи, крепкие ручищи, брутальный фейс. Автомобиль был ему настолько мал, что он сидел в нем пригнув голову, упираясь затылком в тонированный люк.

«Вылитый Валугев. Ему бы впору на «Хаммер» пересесть, а не на этом драндулете ездить», – подумалось правозащитнице, и по ее спине пробежали мурашки.

Попасть внутрь элитного дома оказалось на удивление несложно. Ведь построен он был совсем недавно, в соседнем крыле еще шли отделочные работы, и далеко не все квартиры в нем были заселены: ни домофонов, ни камер наружного наблюдения еще не успели установить, из стен только торчали подведенные для них провода. Да и консьержа на работу еще не наняли. Оставалось дожидаться, когда кто-нибудь из жильцов будет выходить из подъезда, и тогда скользнуть в открывшуюся дверь. Так и случилось. Мальчишка со школьным рюкзаком вприпрыжку сбежал с крыльца, даже не взглянув на Алису. Пройдя мимо пустующей стеклянной кабинки, девушка зашла в лифт, и тот мигом вознес ее на десятый этаж.

Девушка стояла на просторной лестничной площадке, опасливо смотрела по сторонам. Вазоны с цветами, карликовые деревца в кадках, даже картина на стене. И ни одной живой души.

Был будний день, рабочее время, а потому Алиса знала почти наверняка, что хозяйки квартиры не окажется дома. Но все же позвонила. Выждав пару минут и не услышав никакого движения в квартире, она открыла ключами дверь, проскользнула внутрь и тут же закрылась изнутри. Только теперь, оказавшись в чужих стенах, девушка ощутила настоящий страх. А вдруг в квартире все же кто-то есть? А что, если кто-нибудь позвонит в дверь? В конце концов, директриса уйдет раньше обычного с работы и заявится сюда? Правозащитница чувствовала себя начинающим вором-домушником, которому предстояло совершить первую и, возможно, последнюю в своей жизни кражу. Но она нашла силы взять себя в руки, отбросить лишние мысли и приступить к тому, за чем, собственно, сюда и явилась.

Алиса осматривала комнату за комнатой, шкаф за шкафом, полку за полкой. Перед глазами девушки, сворачиваясь в разноцветный калейдоскоп, мельтешили книги, одежда, нижнее и постельное белье, диски, какие-то статуэтки, сувенирчики. Было немного странно, что попадаетея и много мужской одежды, а ведь, как знала Алиса, Ермакова была не замужем, жила одна. Но, в конце концов, даже такая бойбаба имеет право на ухажера-сожителя. Алиса заглядывала под диваны, кровати, поднимала матрасы. Наконец добралась и до рабочего кабинета. Перерыла содержимое выдвижных ящичков стола. Правда, один из них оказался заперт на ключ, а взламывать его Алиса не решилась. Она пролистала

канцелярские папки, залезла в компьютер, внимательно изучив папки и файлы, записанные на жесткий диск... но никаких документов, явно компрометирующих директрису детдома, так и не нашла.

Уставшая и разочарованная, она села в офисное кожаное кресло с высокой спинкой и повернулась на нем, словно на карусели. Вокруг девушки завертелись по замкнутому кругу стены, пол, потолок, вновь стены, пол... Она хотела остановиться, схватившись за край стола, но промахнулась, зацепила ладонью баночку со скрепками. Та перевернулась, и из нее вместе со скрепками выпал ключик. Взгляд Алисы тут же остановился на нем. Теперь запертый ящик письменного стола был открыт. На дне лежала перевернутая лицом вниз старая деревянная рамка для фотографий. Худенькая ручка с длинными покрашенными ногтями потянулась к старому черно-белому фотоснимку. Длинные реснички захлопали, зрачки расширились, а лоб стянули морщинки. Девушка вглядывалась в лица людей, запечатленных на раритетном фото, и не верила своим глазам.

Двое мужчин лет этак двадцати пяти, в одном из которых Алиса без труда узнала еще молодого губернатора области Ладутько, стояли возле мангала с шашлыками. Закадычные друзья обнимали друг друга за плечи. Рядом на пеньке высилась початая бутылка водки «Столичная» и два граненых стакана. Молодой Николай Павлович показывал оставшемуся за кадром фотографу большой палец правой руки – мол,

клево отдыхаем. А вот его друг, лицо которого девушке казалось знакомым, лишь скромно и как-то немного по-женски лыбился в объектив.

Правозащитница вынула старое фото из рамки, перевернула. На его обратной, пожелтевшей от времени стороне аккуратным почерком было выведено: «Коля и Женя навеки. 1982»...

...Ларин выходил из городского детского дома, держа в руке серебристый кейс с кодовым замочком. В нем лежала толстой кипой подшивка документов, подготовленная для него Ермаковой. Но Андрей не спешил запираяться в своем гостиничном номере и уходить с головой в длинные списки недавно поступивших и уже несколько лет числившихся в детдоме детей, изучать таблицы с финансовой отчетностью, просматривать характеристики воспитателей – в этом он не видел никакого смысла. Знал, что ничего ценного там не найдет. Ведь директриса, несомненно, постаралась, отобрав и передав «инспектору из КДН» лишь те документы, которые не представляли для нее и ее покровителей никакой угрозы.

У тайного агента организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти были на сегодня совсем другие планы.

Покатавшись по городу на мотоцикле и вновь убедившись, что хвоста за ним нет, Ларин устроился за пластмассовым столиком дешевой уличной кафешки и заказал чашечку зеленого чая с хот-догом. Нет, его не мучили голод и жажда.

Андрей просто выжидал. Выжидал, когда из детдома, расположенного через дорогу, выйдет та, за кем он собирался проследить.

Объект вскоре появился – Ермакова села в личное авто и двинулась в плотном потоке машин в направлении центра. Так и оставив нетронутыми кофе с хот-догом, Ларин оседлал своего железного коня и не торопясь, дабы не засветиться, поехал за директрисой следом. На этот раз на нем были неброская куртка-ветровка и однотонный шлем.

Евгения Викторовна оказалась одной из тех женщин, которых принято называть шопоголиками. Она буквально металась по бутикам, выходя из них все с новыми и новыми покупками. Андрей откровенно скучал, наблюдая за всем этим. Это не то, что он ожидал увидеть.

Спустя некоторое время накупившая дизайнерского барахла Ермакова припарковала свое авто на стоянке возле серебристого «Лексуса» и заспешила, шебурша объемными пакетами, к новостройке со шпилем. Ларин же закатил мотоцикл в один из прилегающих дворов, заглушил двигатель и спешил. Запрокинул голову, оценивающим взглядом осмотрев высившуюся перед ним обшарпанную девятиэтажку. Мимо него проехала, тарахтя старым движком, добитая «Лада». Не обратив на нее особого внимания, Андрей взбежал по ступенькам и исчез в темном подъезде, из которого отвратно тянуло мусоропроводом.

Последний – технический – этаж девятиэтажного панель-

ного дома был пуст, но чувствовалось, что здесь недавно ночевали бомжи: расстеленные на бетонных плитах картонки, скомканные газеты, пустые бутылки, бычки, выкуренные до самого фильтра. От кучи тряпья пахло мочой и потом.

Переступая через мусор, Ларин подошел к небольшому вентиляционному окошку, выглянул в него. Внизу как на ладони простирался микрорайон старой застройки: безликие, словно клонированные, серые коробки домов, детские площадки, прямоугольник школьного стадиона, на котором гоняла мяч детвора. Над всем этим высился, тянулся, словно желая уколоть небо своим шпилем, жилой небоскреб с VIP-апартаментами.

Андрей достал бинокль, принял к окулярам, отрегулировал резкость. Перед его глазами замелькали увеличенные мощной оптикой арочные окна элитного дома. Казалось, протяни руку – и ты проведешь пальцем по их стеклу. «Живых» окон оказалось немного, все больше незаселенные квартиры. Но вот нарисовалась блондинка, болтающая по радиотелефону на кухне. Возник греющийся под солнцем на подоконнике кот. Показался парень с банкой пива перед экраном плазменного телевизора...

Ларин поднимался все выше и выше – и наконец остановился на одном из окон десятого этажа. За полупрозрачной занавеской просматривалась просторная гостиная. Через какое-то мгновение в ней появилась Ермакова. Зевнув, она подошла к окну и задернула штору, но не до конца, оставив

небольшой зазор. Теперь Андрей видел лишь часть гостиной.

– Вот черт, – выругался он. – Ладно, и на том спасибо. Хоть что-то видно.

...В салоне «Лендровера» сидели трое: одетые в гражданское майор Шмаков и капитан Лебедько, а на заднем сиденье, внимая каждому слову правоохранителей, расположился простоватый с виду мужичок, от которого несло трехдневным перегаром.

– ...Зайдешь, отдашь ей этот документик, скажешь, что друзья твои на улице папку нашли. И если хочет получить остальное, то это денег стоит. Если сильно заинтересуется, спросит – сколько, уговаривать начнет, говори, что с корешами посоветоваться нужно. Дашь ей вот этот номер мобилника, скажешь, что твой, и уходи, – закончил инструктаж майор и отдал забулдону ксерокс документа, на котором стояла подпись Ермаковой, а потом надиктовал номер, который забулдон написал собственной рукой на клочке бумаги. – Мы тебя будем ждать у гастронома. Там и расскажешь, как все прошло.

– Въехал? – спросил Лебедько.

– Понял, не дурак, – отозвался пьянтос. – А бить меня не будут?

– Она одна живет, без мужика. Вот тебе штука. – Шмаков достал кошелек, отсчитал две пятисотрублевые купюры. – Они твои. Если и дальше пойдет, еще заработаешь.

Забрав деньги, забулдон выбрался из внедорожника и пошатываясь побрел к элитной новостройке. Майор затянулся электронной сигаретой.

– Думаешь, справится? – засомневался капитан, глядя пьянтосу вслед.

– А чего тут сложного? – выпустив кольцо дыма, удивился Шмаков. – Зашел, отдал и ушел. Делов-то... А кто мы такие, он все равно не знает.

...Алиса, затаив дыхание, сидела в стенном шкафу среди шуб-норок, плащей и женских костюмов, пахнущих дорогим парфюмом. Она уже жалела, что ввязалась во все это дело, и молила бога только об одном – лишь бы поскорее отсюда выбраться. Зажатая в ее кулаке ретрофотография с надписью «Коля и Женя навеки. 1982» на обратной стороне буквально обжигала ладонь. Девушка так и не успела вернуть ее на место, когда кто-то неожиданно начал открывать дверь... И вот теперь сидит в темноте, забившись, словно мышка, и наблюдает через узенький зазор меж раздвижных створок шкафа, как ходит туда-сюда по гостиной хозяйка квартиры.

Босые ноги ступили на ковер. Ермакова потянулась, словно бы собиралась достать руками до потолка, и подошла к зеркальным створкам шкафа. Придирчиво осмотрела себя с ног до головы. Затем сняла парик, блузку, юбку, оставшись в одном нижнем белье. Покрутила перед зеркалом задницей и стянула с себя трусы.

Алиса чуть не вскрикнула, увидев болтающийся между

ног мужской член. Она даже несколько раз моргнула, думая, что ей померещилось. Но пенис оказался не оптическим обманом и не иллюзией, а самой что ни на есть реальностью. И словно бы в подтверждение этому правозащитница увидела, как к ногам хозяйки, а точнее уже хозяина квартиры, упали, вздрогнув силиконом, накладные груди.

«Женя». Алиса наконец-то поняла, кто тот второй мужчина с черно-белой фотографии.

Женя, которого еще недавно правозащитница знала как Ермакову Евгению Викторовну, голышом направился в ванную, прихватив с собой накладные сиськи. Зашумела вода.

Алиса поняла, что это ее шанс. Она крадучись миновала ванную с чуть приоткрытой дверью, дрожащей рукой повернула головку замка и выглянула на площадку, но тут же отпрянула. Какой-то забулдыг, стоя в открытой кабинке лифта, сверяясь с бумажкой, вслух произнес номер квартиры, тот самый, где жила директриса детдома. Алиса в ужасе, что ее сейчас увидят, бросилась назад, даже забыв закрыть замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.